

„ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ..“

ЭТОЙ строкой начинается художественная летопись Великой Отечественной войны. Песней, ударившей по сердцам миллионов, заставившей подтягивать все мускулы и всю духовную силу человека, стала «Священная война» В. Лебедева-Кумача и А. Александрова. Никогда не забуду ту минуту, когда я впервые услышал по радио:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой

темною,
С проклятою ордой!

Здесь нет необыкновенных эпитетов и метафор, нет, на первый взгляд, подтекста, все говорится прямо. И в то же время существует необыкновенной силы подтекст, потому что за этими прямыми словами встает и твоя родная улица или деревня, и твоя старая мать, и любимая, ради которых должна, обязательно должна встать вся огромная страна.

Песня-марш, песня-набат, она сразу стала всенародной. Она звучала в боевых походах и трудовом тылу. Она звала к подвигу, звала к Победе.

К этой песне Лебедев-Кумач пришел не сразу. Вообще, его литературная судьба была своеобразна. Автор средних (да простят меня их почитатели) стихотворных фельетонов в «Крокодиле», неожиданно для всех тридцатилетним человеком в 1934 году он оказался автором «Марша веселых ребят» из известной кинокомедии.

Впервые вот так просто и точно сформулировалось наше отношение к песне:

Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг,
И зовет, и ведет,
И тот, кто с песней
по жизни шагает,
Тот никогда и нигде
не пропадет!

«Какое убожество! — шипели эсты. — «Помогает — шагает», «Ведет — пропадет»...».

Но появилась формула: «Нам песня строить и жить помогает». И глагольные рифмы не помешали ее победному шествию. Она была взята на вооружение поколением, так же как и такие строки:

Когда страна быть
прикажет героем,
У нас героем
становится любой!

Появились свобода дыхания, завидная размашистость, раскованность пера.

А в 1935 году в фильме «Цирк» Лебедев-Кумач сказал удивительные слова:

От Москвы до самых
до окраин,
С южных гор
до северных морей
Человек проходит
как хозяин
Необъятной Родины своей.

До чего опять-таки все просто, и какое точное ощущение гражданственности, сформулированное без пышных громких слов и восклицательных знаков.

В этой же «Песне о Родине» поэт впервые сказал:

«Широка страна
МОЯ родная»

Не «наша», как обычно говорили до того, а «моя». И я помню дискуссию вокруг этого новшества. Какое счастье, что Г. Александров выпустил свой фильм, доверившись автору песни. Конечно, для каждого Родина «моя», и только поэту «наша».

Потом был целый букет песен с И. Дунаевским — и «Спортивный марш», и «Идем, идем, веселые подруги!»,

и прелестный «Веселый ветер», и забавная «Песенка о капитане». И немало песен не с Дунаевским, в частности «Москва майская».

Но все эти песни как бы выстраивались в цепочку за правофланговой «Песней о Родине». И думалось, сколько бы ни написал песен Лебедев-Кумач, он никогда не перешагнет этой своей вершины ни по популярности, ни по гражданской ее силе.

И вот ударила Великая Отечественная. И буквально сразу же появилась песня, которая стала оружием и необходимостью войны.

Когда-то было сказано, что лучшим генералом Французской революции была «Марсельеза». Думаю, что «Священная война» — это песня-солдат. Недаром Георгий Константинович Жуков, поименовав три лучшие песни войны, первой назвал именно эту.

И сейчас, когда звучит «Священная война», нельзя слушать ее спокойно. А какой силой, гордостью, какой волей к победе наполняла она нас, живших и действовавших в годы войны!

И пусть в дальнейших куплетах песни появились торопливые, недоработанные строки, пусть не все в ней равноценно, но достаточно одного первого куплета, чтобы песня стала знаменем.

Лебедев-Кумач написал о войне и целый ряд других песен. Была известна улыбка песенки о друзьях:

— А ну-ка, дай жизни,
Калуга!
— Ходи веселей, Кострома!

У нас принято считать, что М. Исаковский несет в своем творчестве традиции народной крестьянской песни, а Лебедев-Кумач как бы представляет линию городскую. Это и так, и не так. Думаю, что Лебедев-Кумач пристально изучал народную песню. Если не было у него прямой переклички с народной песней, то чувствуется, что он понимал и учитывал ее. Есть, однако, в его творчестве и случай такой прямой переклички.

Все знают народную русскую песню «Когда я на почте служил ямщиком». В этой песне говорится о ямщицкой любви:

Сначала не чуял
я в девке беду,
Потом задурил не на шутку:
Куда ни поеду,
туда ни пойду,
Все к милой сверну
на минутку.

Ямщик поет о внезапной гибели его невесты, а кончается песня так:

Налейте, налейте
скорее вина,
Рассказывать
больше нет мочи!

В песне Лебедева-Кумача «Незримая рана», написанной в 1942 году, нет ни одного повторного слова. В ней личная боль моряка становится болью за оскорбленную Родину. Но и размер, и интонация двух этих песен удивительно близки:

О чем ты тоскуешь,
товарищ моряк?
Гармонь твоя стонет
и плачет,
И ленты повисли,
как траурный флаг, —
Снажи нам,
что все это значит?

Моряк рассказывает о своей любимой, схваченной фашистами:

Я сон потерял
и во мраке ночей,
Чуть только глаза
закрываю,

Любовь мою вижу в руках
палачей
И до крови губы кусаю.

А заканчивается песня восклицанием:

Скорей бы услышать
команду: «Огонь!»
И броситься в смертную
схватку.

Внутренняя связь этих двух песен очевидна.

И, несмотря на «городской» характер, поэзия Лебедева-Кумача, его песни не были бы всенародными, если бы просто-таки, пластичность строки, существенность того, о чем пишет поэт, не роднили его с народной поэзией.

Я был знаком с Василием Ивановичем, мы два или три раза вместе с ним выступали. К концу жизни он был, видимо, тяжело болен, и мне, мальчишке, казался тогда очень старым, хотя ему не было и пятидесяти. Но держался он на выступлениях просто и улыбчиво, и слушатели его встречали очень тепло.

Сейчас, оглядываясь на прошлое, можно с уверенностью сказать, что Василий Лебедев-Кумач — классик русской советской песни. И в воспитание предвоенной молодежи, и в саму Великую Отечественную им вложена немалая лепта.

И я знаю, что сегодня, в день Первомая и в преддверии великого праздника Победы, в небе Москвы, в городах и селах нашей Родины снова будет звучать «Москва майская»:

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая,
Страна моя,
Москва моя, —
Ты самая любимая!

Лев ОШАНИН

245